

ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ ПЕРСЕВЕРАЦИИ И РИГИДНОСТИ

Н. Д. ЛЕВИТОВ

(Педагогический институт им. Н. К. Крупской, Москва)

Персеверация и ригидность — предмет многочисленных психологических исследований. Проблема персеверации обычно ставится в функциональном, а проблема ригидности — в личностном плане. Это не тождественные явления, и вместе с тем они имеют много общего, и это дает право, говоря о соответствующих психических состояниях, рассматривать их вместе. Для этих состояний характерны инертность в переживаниях, неподатливость изменениям, трудность переключения. Чтобы понять особенности таких состояний, надо познакомиться прежде всего с тем, как возникла в психологии проблема персеверации.

Самый термин «персеверация» (от латинского *persevere*) означает упорство. Но этимология термина не раскрывает сущности персеверации, она скорее указывает на некоторую аналогию с упрямством, с научной точки зрения не имеющую существенного значения.

Впервые этот термин был употреблен в 1894 г. Нейсером [27], однако обозначаемые им явления были отмечены давно — на них имеются указания еще у Аристотеля.

Персеверация — понятие, объединяющее большое число разнообразных явлений, относящихся к консервативности как действующих раздражителей и стимулов, так и вызываемых ими реакций и состояний.

Существует *сенсорная персеверация*, которая с физиологической стороны означает сохранение в нервных клетках возбуждения и после прекращения действия раздражителя. Пример такой персеверации был дан еще Ньютоном. Если делать довольно быстрые кругообразные движения горящим углем, то получается восприятие непрерывного огненного круга. Последовательные образы можно также отнести к этой категории персеверации.

Иногда персеверация ощущения приобретает характер *навязчивости*. После продолжительного действия раздражителей возникают навязчивые ощущения (зрительные, слуховые, обонятельные и др.) как своеобразные галлюцинации, от которых трудно отделаться. Например, свист

ток паровоза уже кончился, а в наших ушах еще слышится свист; не привыкший к ношению очков человек, снявши очки, иногда чувствует их некоторое время на своем носу и т. п.

Наблюдается *психомоторная персеверация*. Маленькие дети проявляют эту персеверацию, когда по инерции много раз повторяют одни и те же движения, например раскачивания. Нередко бегуны после финиша продолжают движения и тогда, когда движение теряет свой смысл. Чем сильнее и продолжительней движение, тем более оно персеверировало.

Довольно распространена *персеверация представлений памяти*.

Навязчивость представлений — неоспоримый факт, имеющий место не только в патологии, но и в норме. В свое время Аристотель заметил, что если у нас на устах долго было название какого-нибудь города или какой-либо фразы, то мы невольно их повторяем. Подобных примеров много в повседневной жизни: после дня, посвященного собиранию грибов, человеку, как только он закроет глаза, ложась спать, представляются грибы и т. п.

Известна персеверация и в области *воображения*. Персеверированными образами воссоздающего воображения могут быть впечатляющие образы художественной литературы. Бывает персеверация и в области творческого воображения. Так, Бетховен буквально страдал от теснившихся в его сознании музыкальных образов.

Навязчивость образов воображения иногда граничит с патологией. Таково было состояние Германа в повести А. С. Пушкина «Пиковая дама».

Персеверация в сфере *мышления* выражается в инерции, «застойности» понятий и суждений, умственных операций.

Всякого рода предрассудки могут рассматривать как случаи персеверации. Существуют традиционные взгляды и убеждения, переходящие из одного поколения в другое, которые так же являются в каком-то роде персеверациями.

Персеверацию умственных операций в процессе решения задач можно показать на

простом примере. В эксперименте испытуемым предлагалось придумать как можно больше существительных, начинающихся с буквы *c*. После эксперимента испытуемые продолжали придумывать такие имена, хотя от них этого не требовалось, т. е. персеверировала установка на решение задачи и после того, когда требуемая операция по решению предложенной задачи окончилась.

Трудность решения задачи другим способом часто объясняется персеверацией известного, если так можно выразиться, укрепившегося способа ее решения.

Эмоциональная персеверация выражается в сохранении эмоций после того, как вызвавшая их причина перестала действовать. Речь идет не об обычных явлениях эмоциональной памяти, а о случаях, когда эмоция некоторое время продолжается по инерции. Иногда после того, как устрашающий объект исчез и всякая опасность миновала, человек еще переживает страх, не обнаруживая при этом потребности его устранить. На уроке учитель рассказал что-то очень смешное, ученики много смеялись, и веселое, смешливое настроение не покидало их во время всего урока, т. е. когда оно было уже вредно. Бывает так, что чувства дружбы и любви, «умирая», еще по инерции продолжают переживаться, хотя никакой потребности и никаких перспектив их оживления нет.

Существует *персеверация в действиях*, примеры которой можно наблюдать в поведении у животных и человека.

Крыса научилась проходить в извилистый лабиринт, чтобы в результате этого прохождения получить пищу. Когда эта крыса была сыта, она предпочитала идти лабиринтным извилистым путем, хотя могла бы идти путем более легким, прямым [32]. В другом эксперименте крыса была приучена принимать пищу через определенные интервалы. Она всегда проявляла особую активность, возбудимость непосредственно перед тем, как ее кормить. Экспериментатор создал для нее ситуацию длительного голодания (без питания), и крыса сохранила при этом тот же ритм максимальной активности перед тем моментом, когда ей ранее давали пищу [11].

Человек потратил немало времени на покупку костюма. Наконец поиски увенчались успехом, и нужный костюм куплен. Но иногда и после этого человек в течение некоторого времени останавливается перед витринами и рассматривает выставленные костюмы, как будто бы покупка не состоялась или была неудачной.

Персеверация как рутинность в действиях нередко проявляется у маленьких детей. Когда ребенка высоко поднимают, он обычно требует многократных повторений, говоря еще так. Ребенок, прослушав рассказ, обычно выражает желание еще не раз его выслушать, причем, если в рассказе будут сделаны какие-либо изменения, он запротестует.

К персеверации можно отнести и привычки как стереотипные действия, ставшие потребностью. Инертность, консерватизм привычек весьма велик. Известно, как трудно менять или искоренять привычки даже в тех случаях, когда их не целесообразность, а нередко и прямой вред очевидны.

Однако степень и роль стереотипии в разных привычках различна. Привычка к четкому режиму или моральные привычки не настолько консервативны, чтобы их считать вполне стереотипными, существующая в них персеверативная тенденция находится под контролем сознания, правда, не всегда явным. Другое дело: привычные жесты, мимика, походка, выражения в речи — все это рутинно, произвольно.

Услышав какое-то обратившее на себя внимание выражение или мелодию, мы невольно их повторяем, и это повторение становится навязчивым и привычным. Такого рода привычки, как своего рода реакции на «впечатляющие» раздражители, настолько насыщены персеверацией, что их можно назвать персеверативными.

Не всякая персеверация — привычка. Привычка переживается как потребность, а персеверующие образы навязчивы, от них хочется отделаться, как от чего-то чуждого. Наконец, персеверация может быть кратким эпизодом, как, например, в экспериментальных условиях, а привычка никогда не бывает и не может быть временным эпизодом.

К персеверации нельзя относить навыки, хотя они часто бывают стереотипными и в них сила инертности значительна. Но у навыков нет существенной для персеверации навязчивости, которая, как говорил И. П. Павлов, «оставляет после себя неуходящий, неисчерпаемый тонус» [1, 111; 294]. Психическое состояние вязкости, столь характерное для персеверации, при выполнении действия, относящегося к категории навыков, обычно отсутствует.

В психологической литературе большое место занимает изучение *ригидности*, состояния настолько близкого к персеверации, что иногда их отождествляют.

В самой общей форме состояние ригидности можно охарактеризовать как трудность переключения на что-либо новое, сопротивляемость изменениям, своего рода непроницаемость. Басс определил ригидность как сопротивление переходу от старых привычных дифференцировок к новым [5]. Вернер существенным признаком ригидности считал недостаточную вариативность, однообразие реакций [39].

Стоит вопрос: в какой мере можно отождествлять ригидность с персеверацией?

Айзенк под заголовком «Персеверация» анализирует исследование как персеверации, так и ригидности, не считая необходимым эти два состояния разграничивать [12; 270—283]. Р. Кэттел в своей ранней работе [6] предложил различать два вида инертности. К первому виду он отнес инертность нервных процессов, которая обо-

значается термином «персеверация». Другого рода инертность Кэттелом названа «структурной диспозицией» или «диспозиционной ригидностью», когда, например, в эксперименте привычный способ решения задачи надо менять на новый, непривычный. Согласно этой точке зрения персеверация не является диспозицией и, строго говоря, даже не может быть названа психическим состоянием, каким является ригидность. В более поздней работе Кэттел персеверацию и ригидность объединял. В своей монографии «Личность и мотивация. Структура и измерение» он полностью отождествляет ригидность с персеверацией [7; 939]. Но Шейла Чаун в своем обширном обзоре исследований ригидности не рассматривает работы, посвященные персеверации [9].

Несомненно, что в понимании ригидности не все ясно, и это дало основание Чаун свой обзор озаглавить так: «Ригидность — гибкая концепция».

Хотя в рассматриваемых состояниях много общего, их не следует отождествлять. Персеверация — пассивное состояние, возникающее по инерции, навязчивое, стереотипное, вязкое; ригидность — более активное состояние, характеризующееся сопротивлением изменениям, близкое к упрямству.

Нельзя говорить о ригидности, когда возникают явления сенсорной или психомоторной персеверации или персеверирующих представлений. Ригидность возникает лишь в тех случаях, когда имеется необходимость в изменениях и человек оказывается им неподатлив. Чаще всего эта неподатливость — результат персеверации, т. е. довлеет стереотип и новое не включается. Но иногда ригидность возникает не потому, что сказывается инерция стереотипа, а в силу, например, узости мышления. Человек не принимает нового, не понимает его значения, иногда опасаясь его как чего-то неизвестного.

Различие между персеверацией и ригидностью проявляется и в том, что, говоря о персеверации, мы делаем большой акцент на *персевераторах*, т. е. на возбудителях, последствием которых является данное состояние, а ригидность — более субъективное состояние, часто характерологическое, показывающее отношение или установку человека к изменениям. Нет даже термина для обозначения возбудителя ригидности, хотя такой возбудитель всегда существует. Выделяя его, мы невольно переключаемся на персеверацию, как будто бы всегда ригидность порождается персевераторами.

При существующем положении с исследованиями персеверации и ригидности, когда эти термины нередко применяются как синонимы, целесообразно обозначать охватываемые ими явления шифром ПР. Этот шифр означает, что персеверация и ригидность часто сочетаются; однако такое объединение в шифре не должно оставлять в стороне те различия между данными явлениями, о которых говорилось выше.

1

Физиологический механизм персеверации был раскрыт И. П. Павловым, который этому состоянию придавал большое значение, сближая его со стереотипностью и навязчивостью. В основе персеверации, согласно Павлову, лежит застойность или, как он предпочитал выражаться, инертность нервных процессов.

Хотя Павлов больше высказывался о патологической инертности, он твердо признавал ее и как нормальное явление. На одной из сред Павлов сказал: «Эта инертность, с одной стороны, есть нормальное явление, а с другой — переходящее при известных степенях в патологическое состояние» [2, II; 546].

Инертность нервных процессов выражается в том, что в некоторых пунктах коры головного мозга процесс возбуждения или торможения так фиксируется, задерживается, что возникает изоляция этих пунктов, которая приводит к утрированной концентрации. При патологии эта утрированность доходит до того, что по закону отрицательной индукции работа других пунктов не только блокируется, но совсем исключается [1., III; 167], и тогда возникает болезненное состояние навязчивости.

Рассматривая нервный механизм бреда, психастении и паранойи, Павлов делает такое заявление; «Основное физиологическое явление во всех этих явлениях одно и то же, поэтому я и употребляю слово «навязчивость». Когда человек трудно переходит от одного состояния к другому — тут я называю «застойность». Когда я начинаю говорить как ученый, физиолог, тогда я употребляю слово «инертность». Я имею дело с одним и тем же, но употребляю разные термины, а в сущности это все одно и то же» [1, I; 522].

На одной из сред Павлов дает важное пояснение: «У инертности два конца: с одной стороны — медленное вступление, а с другой — медленный выход из состояния» [2, III; 220]. То и другое связано с ослаблением подвижности нервных процессов. Павлов так прямо и говорил: «патологическая инертность — потеря подвижности процесса, человек медленно думает, плохо вспоминает, медленно ходит» [1, II; 504].

Говоря о персеверации, Павлов не только сближал ее с стереотипностью и навязчивостью, но считал одним и тем же явлением [2, I; 213], [1, 223].

Если, следуя Павлову, физиологическую основу персеверации искать в инертности основных нервных процессов, то в какой-то мере факторы ПР могут быть найдены с помощью исследований подвижности нервных процессов. Но пока еще общий фактор подвижности (по предположению), противоположный ПР, не установлен.

Б. М. Теплов на основании экспериментальных данных предложил термин «подвижность» сохранить за способностью быстро осуществлять переделку или переключение, а свойст-

во нервной системы, проявляющееся в скорости возникновения и прекращения нервного процесса, выделить, условно называя его лабильностью [3; 39—40]. «Но содержание каждого из этих понятий остается еще мало раскрытым» [3; 40].

Можно высказать предположение, что ПР ближе стоит к подвижности, чем к лабильности; если малая подвижность свидетельствует об инертности нервных процессов, то лабильность не обязательно связана с инертностью. Однако эти предположения нуждаются в основательной экспериментальной проверке. Надо полагать, что прогресс в изучении нервной системы по параметру подвижность—лабильность позволит еще лучше понять ее структуру, факторы.

ПР нередко изучалась на патологическом материале, который дает много для изучения этого состояния. Так, согласно исследованиям Гольдштейна [14], в результате мозговых травм могут возникать два типа ригидности: неспособность больного переключаться с одного хода мыслей на другой, незначительность ко всем стимулам, иррелевантным к стимулам ожидаемым или привычным; вторичная ригидность, возникающая при новых и трудных задачах, когда больной совсем отказывается от попыток решать задачу. Эта форма ригидности часто сочетается с умственной отсталостью.

Вернер [39] установил различные проявления ригидности у умственно дефективных больных и травматиков. Первые не могут решить поставленную им задачу потому, что понимают ее слишком упрощенно, а вторые обнаруживают тенденцию пользоваться лишь стереотипным способом решения, в то время как требуется применить другой способ.

ПР, несомненно, в своей обостренной форме — типичное состояние для патологии и поэтому служит одним из показателей, на которых в психиатрии основывается дифференциальная диагностика.

В работе Пайнерд [30] были выделены «трудные», т. е. с некоторой патологией, испытуемые. По показателям персеверации они в большинстве случаев заняли крайние позиции, т. е. имели уровень или очень высокий или очень низкий. Шевич [36], а позднее Стефенсон [38] нашли высокий уровень персеверации у паранойков и низкий у меланхоликов (лиц с преобладающим депрессивным состоянием). Шевич [36] была получена значимая отрицательная корреляция (—51) между низким уровнем персеверации и невротизмом, иначе говоря, невротики оказались более подверженными персеверации. По данным Делей, Пишо и Перс [10], эпилептики более проявляют персеверацию, чем нормальные люди.

Имеющийся материал по коррелированию ПР с патологическими формами не должен опровергать хорошо аргументированное И. П. Павловым положение, что персеверация — не только патологическое, но и нормальное жизненное явление.

Для изучения ПР применяются преимущественно экспериментальные методы типа тестов.

Так, во французском варианте методики Р. Кэттелла имеется семь тестов [10; 194 — 195]: а) писать буквы сначала обычно, а потом перевернутыми; б) писать фразу обычно, а потом все буквы писать прописными и, наконец, чередовать буквы строчные и прописные; в) читать текст, напечатанный нормально, а затем в перевернутом виде (сначала «дом находится», а потом «мод ястидохан» и т. д.); г) сначала в лабиринте следовать указанию *D* — направо, *G* — налево, а затем обратному указанию: *D* — налево, *C* — направо; д) написать свою фамилию обычно, а затем перевернутыми буквами; е) то же самое с написанием цифр; ж) умножение сначала обычное, а затем необычное.

В основе методики Пайнерд [30] также лежит требование переключаться от одной деятельности к другой, писать букву *s* то обычно, то в перевернутом виде, то чередуя эти два способа; то же самое с черчением треугольников; сначала писать несколько раз буквы *a, b, c, d, e, f, g*, потом числа от 1 до 7, наконец, чередуя буквы и числа; письмо с зеркальным отображением.

К тестам на изменение установки в работе относится также тот, который использовал в своем исследовании Лочинс [26]. Задача заключалась в том, чтобы, имея три сосуда разного литража, налить в большой сосуд требуемое количество воды. Первые пять задач можно было решить только одним способом, обязательно с применением всех трех сосудов. Шестую и седьмую задачи можно было решить как тем же, так и более сокращенным способом, не употребляя всех трех сосудов. Восьмая задача решается только более кратким способом, а девятая и десятая — как кратким, так и продолжительным. По решению шестой и седьмой задач устанавливалось наличие и степень ригидности, а последние две задачи имели целью выяснить, насколько тенденция к ригидности преодолевается.

Гилфорд с сотрудниками [16] изучали пластичность или гибкость, которую можно считать явлением, противоположным ПР.

Из 17 тестов наиболее показательными для гибкости, названной спонтанной (свободной от инерции), оказались следующие: а) назвать возможно большее число употреблений кирпича; б) назвать возможно больше предметов, относящихся к заданной категории; в) указать необычное применение предмета, предназначенного для определенной цели, г) перечислить как можно больше воображаемых невероятных случаев.

Для диагноза гибкости, названной адаптивной, наиболее показательными оказались тесты: а) на задачи со спичками; б) загадочные картинки (найти тщательно закомуфлированное изображение); в) «квадра-

ты» — поставить крестики в квадрате так, чтобы два крестика не оказались в одном и том же квадрате или на одной и той же диагонали.

В Вашингтонском университете при изучении возрастных различий в ригидности-пластичности применялись тесты, напоминающие методику Пайнерд. В одном тесте требовалось сначала скопировать параграф с правильным написанием строчных и прописных букв, а затем писать так, чтобы нарицательные слова писать крупными буквами, а собственные имена — мелкими т. е. противоположно данным. В другом тесте давались три серии по сорок слов. В первой серии на каждое слово надо было ответить синонимом, во второй серии — антонимом, в третьей — на слова, напечатанные заглавными буквами, отвечать синонимами, а на слова, напечатанные строчными буквами, — антонимами. Кроме тестов, была использована шкала анкетного типа [35].

Метод наблюдения при изучении ПР применяется недостаточно. Можно указать на работу Бернштейна [4], в которой использовались как тесты, так и длительные наблюдения за детьми в обычных школьных условиях.

Нет материала по использованию метода естественного эксперимента для диагностики ПР. Можно спроектировать экспериментальную игру, в которой были бы заданы и фиксированы моменты переключения от стереотипа, причем это переключение берется в двух ситуациях: внезапного, неожиданного и подготовленного переключения. Подобным образом возможна организация экспериментальных учебных занятий, например, по математике с предложением решать однотипные задачи определенным способом, а затем задачи другого типа тем же способом или того же типа, но другими способами.

При изучении ригидности 100 студентов I курса педагогического института нами была применена шкала самооценки, состоявшая из 10 пунктов:

1. Мне нелегко быстро переключить внимание с одного предмета на другой, с одной деятельности на другую.

2. Я обычно медленно вхожу в работу, период «раскачивания» у меня затягивается.

3. При расставании с привычной обстановкой, с вещами, к которым привык, я имею острые, неприятные переживания.

4. Я весьма осторожен и нерешителен, когда необходимо сделать изменения, применить что-то новое.

5. У меня возникают представления и мысли, от которых хотелось бы отделаться, но это не удается.

6. Мне трудно расставаться, даже когда это необходимо, с привычным режимом дня, в частности сна.

7. Мне трудно изменять свойственный мне темп деятельности (ускорять его или замедлять).

8. Меня очень трудно в чем-либо переубедить.

9. Я не люблю поправлять то, что мною сделано.

10. С трудом меняю свои симпатии и антипатии даже в тех случаях, когда имеются основания их менять.

Надо было поставить 2, если данный пункт весьма подходит, 1, если подходит, но не совсем, и 0, если совсем не подходит или подходит, но в весьма слабой степени.

Коэффициент надежности этой шкалы при повторном проведении через две недели + 90.

Сопоставление самооценок с оценками, дававшимися двумя близкими товарищами, дало корреляции +. 69 и +. 71.

Хотя метод самооценки субъективен, он, как и другие методы словесного отчета, должен применяться при изучении ПР наряду с другими, более объективными методами, которые, к сожалению, еще недостаточно разработаны.

3

Немало исследований посвящено изучению структуры ПР. Это обусловлено тем, что под данным шифром объединяются не только perseverация и ригидность, но и очень близкие к ним состояния стереотипности и «застойности». В школе К. Левина вместо ригидности предпочитают говорить о «непроницаемости», выражающей состояние замкнутости, изолированности отдельных психических функций. Можно в этом контексте говорить о состоянии вязкости, когда переживания и действия словно застывают, закрывая доступ изменениям.

Широкое обобщение явлениям perseverации дал Спирмен. В 1927 г. он сформулировал такой закон: «Познавательные процессы начинаются и заканчиваются с большей постепенностью, чем их видимые причины» [37]. Спирмен рассматривал perseverацию и интеллект как два различных аспекта психической энергии. Подобно тому как фактор *O* (общий интеллект) означает количество или уровень психической энергии, фактор *P* (perseverация) означает степень ее инерции. Точка зрения Спирмена имела сторонников, но общего признания не получила.

Г. Хермон [19] расширительно понимает ригидность, отождествляя ее с той установкой в мыслительных процессах, которая изучалась психологами Вюрбургской школы. Установка может быть интерпретирована как пассивный фактор инертности, застойности, как своего рода барьер к действию, что характерно для ПР.

Можно ли говорить о ПР как едином по существу состоянии, хотя и имеющем разные варианты и проявления?

Если ограничиться лишь сенсорной perseverацией, то результаты корреляций между тестами противоречивы. В работе Гейманса и Бругмана средняя интеркорреляция между этими тестами +. 32 [18], а в исследовании Стефенсона +. 40 [38]. В ра-

ботах Шевич [36], Ноткэт [28], Джеспер [21] интеркорреляции получились положительные и отрицательные, но низкие, статистически незначимые.

Нет единства и в выводах исследований, проведенных с применением факторного анализа.

Хэйргривс [17] изучал фактор гибкости или пластичности ассоциаций, который, по предположению, противоположен ПР. Найдя этот фактор I (Fluency), Хэйргривс пришел к выводу, что наиболее «гибкие» ассоциации менее склонны к персеверации, но никакого функционального единства в тестах на персеверацию не было найдено.

Джеспер в своем исследовании применил опросник, 5 тестов на сенсорную информацию, 6 — на моторную персеверацию и 4 — на персеверацию представлений. Он пришел к отрицанию группового фактора персеверации или «психической инерции» — имеются основания выделить лишь узкий фактор моторной персеверации, которым насыщены сходные тесты [21].

Кэттел [7] считал разумным подчинить персеверацию фактору, названному им невротизмом.

Но в некоторых исследованиях общий фактор персеверации или ригидности был найден.

Так, Пайнерд [30] выделил общий фактор персеверации на основании результатов применения четырех тестов на переключение с одной деятельности на другую.

Оливер и Фергюсон [29] среди трех факторов, выделенных по показателям большой серии тестов, нашли и такой, который они назвали «интерференцией привычки» или ригидностью.

Айзенк, сделав обзор исследований персеверации, в которые вошли и исследования ригидности, пришел к следующему выводу: «Наблюдения за криволинейной связью между невротизмом и предрасположением к ригидности, корреляция между вариабельностью в тестах на сенсорную персеверацию и невротизмом, устойчивая тенденция для тестов в пределах этих групп показывать невысокие, но определенно положительные интеркорреляции — все это нелегко устранить, однако нельзя утверждать, что положение в данный момент удовлетворительно» [12; 283]. Айзенк имел в виду положение с поисками общего или группового фактора.

Французские психиатры и психологи Ж. Делей, П. Пишо и Ж. Перс, сопоставив изучение персеверации клиническим методом по видоизмененным тестам Кэттела и по тесту Роршаха, пришли к выводу, что каждый метод имеет диагностическое значение для определенного вида ПР. Клиническая персеверация, по всей вероятности, соответствует персеверации типа Umshaltung (переключения) и эмоциональной персеверации; персеверация, определяемая серией тестов с выделением фактора P, — предрасположению к ригидности, персеверация, определяемая тестом Роршаха, — пер-

северации в области представлений и понятий. «Такие результаты, — пишут авторы, — побуждают нас к крайней осторожности и подчеркивают опасность ошибок из-за неточности словаря в области как клинических, так и психометрических методов» [10; 206].

Не совсем утешительные выводы о структуре ПР говорят о большой сложности проблемы, для решения которой нужна большая ясность исходных понятий и более точная и разнообразная методика исследования.

Факт существования отдельных реакций и более целостных и сложных психических состояний, обозначаемых шифром ПР, не вызывает сомнений. Если говорить о ПР как психическом состоянии, то оно многообразно по своей структуре и находится в зависимости от ситуации и в какой-то мере (еще недостаточно определенной) от индивидуальных особенностей человека.

Если физиологическая основа всех видов ПР по существу одна, то на этой физиологической основе вырисовываются разные узоры. В одних случаях это состояние относится больше к познавательной деятельности (настороженность против принятия схем, неизвестного и т. д.), в других — к эмоциональной жизни (упрямство, последствия уже изжитых эмоций), в третьих и, как можно предположить, наиболее многочисленных ПР означает инертность и противодействие вторжению нового, т. е. так или иначе характеризует изменения в волевой сфере.

Существуют разные возбудители ПР, которыми могут быть как отдельные предметы или даже их качества, так и ситуации. Чтобы раздражитель имел персеверующее значение, важна его объективная и субъективная значимость. Ригидность по отношению к новому чаще всего объясняется тем, что старое, укоренившееся валентно для данного человека.

Как показал обзор Ш. Чаун [9], труднее изменить представление или действие, чем выработать противоположные. Здесь, видимо, действует закономерность ретроактивного торможения, но не следует из этого делать такого широкого обобщения, будто бы человеку легче стать на противоположную позицию, выработать новые взгляды, овладеть новым методом работы и т. п., чем изменить и, что чаще всего бывает, усовершенствовать привычное.

Чем разнообразнее решаемые человеком задачи, тем меньше шансов возникновения ПР при переходе к новым задачам, и чем привычной деятельность, тем более вероятно возникновение ПР при переключении. Из этого закономерного следует, что ПР порождается однообразием, узостью круга мышления и деятельности, рутинностью.

По данным эксперимента, который провели Грант и Берг [15], ригидность, определявшаяся тестом на сортировку карточек, проявлялась сильнее, если отсутствовало предупреждение о предстоящих изменениях. Этот вывод можно обобщить. Все внезапно

возникающее в сознании и деятельности вызывает состояние торможения, нередко с отчетливой эмоциональной окраской. Если же человек подготовлен к предстоящим изменениям, то у него может сформироваться состояние готовности принять эти изменения, спокойно к ним отнестись, не понижая уровня своей деятельности. Но на некоторых людей предупреждение об изменениях действует скорее отрицательно, вызывает томительное состояние ожидания, иногда действующее травмирующим образом.

От ПР как временного состояния следует отличать ПР как свойство или черту личности или характера. В последнем случае речь должна идти об устойчивых проявлениях этого состояния, причем не обязательно в разных ситуациях. Например, учащийся может быть весьма ригидным в учении и совсем неригидным в занятиях физической культурой и спортом.

Как относится сам человек к проявлениям у себя этой черты? Здесь возможны различные варианты: в одних случаях человек не замечает и даже отрицает у себя наличие ПР, в других возникает так называемая рационализация, т. е. тенденция как-то оправдать такое состояние, как положительное, в третьих случаях человек осуждает у себя ПР, пытается при этом или освободиться от него, или «сложить оружие».

Были попытки соотнести ПР с другими компонентами личности. Согласно исследованию Пайерд [30], испытуемые, занявшие в кривой распределения по тестам на персеверацию в обе стороны крайние места, т. е. показавшие или очень высокий, или очень низкий уровень персеверации, отличаются такими чертами, как недостаток самоконтроля, упрямство, обидчивость. Наиболее склонные к персеверации безрасудны. Занимающие среднее положение в кривой распределения — разумны, гармоничны, смелы, веселы. По этим данным следует считать отрицательными крайности по параметру ПР.

Этот вывод не противоречит жизненным наблюдениям. Например, упрямство, несомненно, связанное с ригидностью, может выражаться не только в нежелании изменений, сопротивлении им, но и в стремлении к изменениям, даже к авантюрам, не считаясь с обстоятельствами. Такое упрямство было у Дон-Кихота.

Питчер и Стэси [31] в своем исследовании сопоставили результаты тестирования ригидности с данными шкалы по диагностике склонности к господству или подчинению. Результаты показали, что ригидные более склонны не господствовать, а подчиняться. Джексон, Мессик и Солли [20] нашли у ригидных готовность подчиняться авторитету. Кэттел получил отрицательную корреляцию ригидности со стремлением к доминированию и с тем, что он назвал интеграцией или целостностью характера [6], [8]. Однако Френч [13] при изучении летчиков значительной корреляции ПР с тен-

денцией подчиняться и следовать авторитету не обнаружил.

Следует привнести во внимание, что в понимании склонности к руководству или подчинению, следованию авторитету или непризнанию авторитета не все ясно. Многие люди не ставят перед собой этих вопросов, а фактически там, где это необходимо, руководят и вместе с тем, следуя дисциплине, подчиняются. Вряд ли найдется человек, не признающий никаких авторитетов.

Все же, как показывают жизненные наблюдения и, в частности, проведенные нами беседы со студентами I курса педагогического института, можно выделить людей, стремящихся к руководству и предпочитающих «исполнительскую» деятельность. Эти студенты изучались и в отношении ригидности. Результаты показали, что одни ригидные студенты предпочитают, как они выражаются, «не высказываться», сторонятся руководящих ролей, считая, что эти роли вносят много беспокойства, а другие ригидные студенты отличаются упрямством и желанием быть менторами, занимать руководящие роли, полагая, что это им дает больше уверенности в себе, жизненную опору. Но когда те же студенты изучались по параметру активность — пассивность, значительно большее число ригидных студентов были пассивными.

Что касается «интеграции характера», у которой Кэттел нашел отрицательную корреляцию с ригидностью, то возникает вопрос — как эту интеграцию понимать? Целостные характеры могут быть у самых разнообразных людей, но одно дело целостность активного творческого работника, а другое исполнительного, ограниченного в своих претензиях «чиновника».

Креч [23], Роккич [33], [34] и некоторые другие психологи сближают с ригидностью такие черты личности, как догматизм, авторитаризм, национализм, причем эти черты называют ригидностью высшего порядка. Такое сближение вызывает большие сомнения. Достаточно указать, что ПР встречается у животных и слабоумных людей, которым невозможно приписать догматизм и национализм, черты, имеющие ярко выраженную социальную обусловленность. Отрицая правомерность такого слишком широкого понимания ПР, вместе с тем можно признать, что оно в некоторой степени выражает форму догматизма, консерватизма, конформизма, не являясь сколько-нибудь существенным для содержания этих черт.

Некоторые авторы склонны связывать ПР с моральными и волевыми чертами личности. Так, Лейнкес [24] характеризует персеверацию не только как нечто противоположное изменчивости, но и как состояние, выражающее стойкость перед трудностями, верность, добросовестность. Здесь персеверации дается высокая оценка, но нельзя смешивать персеверацию, как ее принято понимать и какой она была в качестве предмета специальных исследований, со стойко-

стью — морально-волевой чертой, одним из ярких проявлений твердости характера, с верностью и добросовестностью, которые никак нельзя интерпретировать как инертность и пассивность, свойственные ПР.

Надо строго отличать ПР от настойчивости, всегда активной черты, необходимой для борьбы с препятствиями, преодоления трудностей. ПР близко стоит к той «извращенной», неразумной настойчивости, которая называется упрямством.

О соотношении ПР с интеллектом нет достаточно убедительных экспериментальных данных. Каунин [22] обнаружил, что слабоумные не в состоянии овладеть высоко дифференцированной психической структурой, понимаемой в духе топологической психологии К. Левина. Это значит, слабоумные, которым доступны лишь примитивные структуры, отличаются ригидностью.

Можно высказать гипотезу, что как крайне ригидные, так и крайне неригидные (подвижные) люди имеют свои трудности в интеллектуальной деятельности: первые из-за инертности, «застойности», вторые вследствие такой «подвижности», которая мешает сохранять необходимые для работы мысли опорные пункты.

В работе Вашингтонского университета [35] 500 испытуемых в возрасте от 20 до 70 лет были подразделены на 10 групп (от 20 до 25 лет, от 26 до 30 лет и т. д.) по

25 мужчин и женщин в каждой группе. В ходе исследования ярко проявилась тенденция к усилению ригидности и ослаблению пластичности, подвижности с возрастом. Эти результаты подтверждают гипотезу К. Левина об усилении непроницаемости участков или секторов личности в процессе старения человека. Однако нет оснований считать, что начиная с 20 лет происходит процесс умственной деградации, и поэтому данное исследование не является аргументом за связь ПР с умственной усталостью.

Нельзя недооценивать жизненного значения ПР. В жизни человека происходят непрерывные изменения, возникают противоречия, идут поиски нового, но рядом с этим формируются навыки и привычки, устойчивые формы убеждений, переживаний и поведения, своего рода динамические стереотипы. «Старое» не всегда хуже нового, но часто процесс замедляется инерцией старого, блокирующего новое. Велики перспективы для изучения ПР в патологии. Изучение ПР в норме, несомненно, будет очень полезно для педагогики, помогая познавать и преодолевать отрицательные стороны инертности и вместе с тем предупреждать ту текучесть и изменчивость, которая может лишить человека опоры, устойчивости.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. «Павловские клинические среды». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954, 1955.
2. «Павловские среды». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.
3. Теплов Б. М. Новые данные по изучению свойств нервной системы, т. 3. Изд-во АПН РСФСР, 1963.
4. Bernstein E. Quickness and Intelligence. «Brit. Journ. Psychol.», № 7, 1929.
5. Buss A. H. Some determinants of rigidity in discrimination — reversal learning. «Journ. Experim. Psychol.», v. 44, 1952.
6. Cattell R. B. On the measurement of perseveration. «Brit. Journ. Educat. Psychol.», № 5, 1955.
7. Cattell R. B. Personality and motivation. N. Y. Harcourt—Bruce—World, 1917.
8. Cattell R. B., Tiner L. G. The varieties of structural rigidity. «Journ. Person.», v. 17, 1942.
9. Chown Sh. Rigidity — flexible conception. «Psychol. Bull.», v. 46, No. 3, 1959.
10. Delay I., Pichot P., Perse J. Methods psychométriques en clinique. Paris, Maïsson, 1966.
11. Dodson J. Relative value of reward and punishment in habit formation. «Psychobiolog.», No. 1, 1957.
12. Eysenck H. The structure of human personality. London, Methuen, 1953.
13. French E. Interrelation among some measures of rigidity under Strees. «Journ. Alnorm. Soc. Psychol.», vol. 55, 1955.
14. Goldstein K. Concerning rigidity. «Caract. and Personal.», v. 11, 1943.
15. Grant D., Berg E. A behavior analysis of degree of reinforcement and ease of shifting to new responses in Weigltype card sorting problem. «Journ. Experim. Psychol.», v. 38, 1948.
16. Guilford J., Frick J., Christensen L., Merrifield R. A factor analytic study of flexibility in thinking. «Univers. Southern California Report from the Psychological Laboratory», No. 18, 1957.
17. Hargreaves H. The faculty of imagination. «Brit. Journ. Psychol.», No 10, 1947.

18. Heymans G., Brugmans H. Intelligenzprüfungen mit Studierenden. «Zeitschr. f. Angew. Psychol.», v. 75, 1913.
19. Hörman H. Zum Problem der psychologischen Starrheit (Rigidität). «Zeitschr. experim. Angew. Psychol.», 1956.
20. Jackson D., Messic S., Solley C. How rigid is the authoritarian. «Journ. Abnorm. Soc. Psychol.», v. 54, 1917.
21. Jasper H. W. Is perseveration a functionnal unit participating in all behavior processos. «Journ. Social. Psych.», v. 2, 1931.
22. Kounin J. Intellectual development of rigidity. (In: Child behavior and development). N. Y. McGraw Hill, ch. 11, 1943.
23. Krech D. Notes toward a psychological theory. «Journ. Person.», 1949.
24. Lanke W. Perseveration. «Brit. Journ. Psychol.», v. 17, 1915.
25. Lewin K. A dynamic theory of personality. N. Y., Mc Graw Hill, 1935.
26. Luchins L. An experimentation of rigidity of behavior. Copyright by Luchins, N. Y., 1948.
27. Neisser C. 65 Sitzung des Vereins ostdeutscher Irrenärzte. «Angew. Zeitschr. f. Psychologie», v. 51, 1894.
28. Notcutt B. Perseveration and fluency. «Brit. Journ. Psychol.», v. 33, 1943.
29. Oliver J., Ferguson G. A factorial Study of tests of rigidity. «Canad. Journ. Psychol.», v. 5, 1951.
30. Pinard J. Tests of perseveration. «Brit. Journ. Psychol.», v. 23, 1932.
31. Pitcher B., Stacey C. Is einstellung rigidity a general trait? «Journ. Abnorm. Soc. Psych.», 1954.
32. Richter C. A behavioristic study of the activity of the rat. «Compar. Psychol. Monogr.», v. 1, No. 1, 1922.
33. Rokeach M. The nature and meaning of dogmatism. «Psychol. Rev.», v. 61, 1945.
34. Rokeach M. The open and closed mind. N. Y., Basic Books, 1960.
35. Schaie K. Rogidity — flexibility and intelligence. A cross — sectional study of the adult life Span from 20 — to 70 years. «Psychol. Monogr.», vol. 79, 1958.
36. Shevach B. Studies in Perseveration. «Journ. Psychol.», v. 3, 1937.
37. Spearman C. Abilities of Man. London — Methuen, 1927.
38. Stephenson W. An introduction to so-called perseveration tests. «Brit. Journ. Educat. Psychol.», 1934.
39. Werner H. The concept of rigidity — a critical evaluation. «Psychol. Rev.», v. 53, 1946.

